

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«Большой террор» и развитие лагерной системы на Европейском Севере России

Н.В. УПАДЫШЕВ – доцент кафедры менеджмента филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Коряжма, доктор исторических наук

В статье исследуется проблема влияния политики «большого террора» на развитие лагерной системы на Европейском Севере России. Автор показывает, что осуществление соответствующих мер привело к существенному росту численности осужденных, который в свою очередь обусловил не только значительное увеличение количества исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) в регионе и содержащихся в них заключенных, но и реорганизацию структуры управления лагерной системой.

Ключевые слова: «большой террор»; Главное управление лагерей (ГУЛАГ); исправительно-трудовой лагерь; заключенные; принудительный труд; Европейский Север России.

«Great terror» and development of the correction and labor camp system on the European north of Russia

N.V. UPADYSHEV – doctor of historical sciences, associate professor of management of branch Northern (Arctic) federal university of M of Century of Lomonosov in the city of Koryazhm

The article investigates the problem of the «great terror» policy impact upon development of the correction and labor camp system on the European north of Russia. The author shows that implementation of the Stalin's «big terror» policy resulted in a considerable growth in the numbers of prisoners, which in its turn caused not only an essential rise in the quantity of correction and labor camps and convicts kept in them, but also restructuring the camp system management.

Key word: «great terror»; GULAG; correction and labor camp; prisoners; forced labor; European north of Russia.

В истории ГУЛАГа, основным системообразующим элементом которого являлись исправительно-трудовые лагеря, следует выделить три основных периода: зарождения, функционирования и распада. В период генезиса (1929–1937 гг.) происходила институционализация ГУЛАГа, характеризовавшаяся процессом упорядочения и формализации структуры, функций, норм, социальных связей и отношений, свойственных ему как особому социальному институту, призванному обеспечивать реализацию определенных сталинским режимом

задач. С 1937 по 1953 гг. наблюдался расцвет ГУЛАГа, что проявилось в возросшем количестве его структурных образований, численности спецконтингента, масштабах использования принудительного труда. В рамках данного периода выделялись три этапа, имевших как общие, так и специфические черты: ГУЛАГ в довоенные годы (1937–1941 гг.); ГУЛАГ в годы войны (1941–1945 гг.); ГУЛАГ в послевоенные годы (1945–1953 гг.). Кризис, охвативший ГУЛАГ к началу 1950-х гг., в постсталинский период еще в большей степени усугубился и приобрел

системный характер. После неоднократных попыток реорганизации гулаговской системы, не давших позитивных результатов, в высших эшелонах власти было принято решение о ее ликвидации.

В 1937 г. советская карательно-репрессивная машина вступила в наивысший период развития, продолжавшийся до 1953 г. Характерной чертой его стало существенное расширение масштабов и диверсификация деятельности ГУЛАГа. Начало этого этапа в значительной степени было связано с осуществлением политики «большого террора».

Политическим решением, определившим установку на проведение массовых репрессий, стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 02.07.1937 г. «Об антисоветских элементах». Оно нацеливало партийные органы, областные, краевые и республиканские представительства НКВД СССР на осуществление комплекса мер, направленных на репрессирование отдельных категорий граждан¹. Данный посыл был конкретизирован в приказе НКВД СССР от 30.07.1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В нем, указав категории людей, подлежащих репрессированию, НКВД поставило задачу «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»².

Содержательное и терминологическое оформление приказа явно не соответствовало положениям действовавшего Исправительно-трудового кодекса РСФСР от 01.08.1933 г. (с изм. на 01.10.1934 г.). Если в кодексе основной задачей государства в области уголовной политики провозглашалась защита «диктатуры пролетариата... от посягательств со стороны классово враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся»³, то в приказе НКВД от 30.07.1937 г. говорилось о защите трудящегося советского народа от происков антисоветских элементов⁴.

Данное несоответствие свидетельствует об изменении во второй половине 1930-х гг. социальной направленности карательно-репрессивной политики советского государства. Если в начале 1930-х гг. государство, осуществляя классовый подход, основным

объектом репрессий избрало классово чуждые элементы («кулачество» и различные категории «бывших»), то массовые репрессии 1937–1938 гг., нацеленные против «антисоветских элементов», в значительной степени расширили свои социальные рамки. Объектом преследования стали граждане самых различных социальных слоев, статусов, профессий и рода занятий.

Несмотря на то что в приказе НКВД СССР от 30.07.1937 г. подробно перечислялись категории тех, кто подлежал репрессированию⁵, использование понятия «антисоветский элемент», не являвшегося юридической дефиницией, давало возможность на практике трактовать его расширительно и включать в число врагов народа не только реальных и потенциальных противников советской власти, но и тех, кто проявлял идеологическую индифферентность. В условиях идеократического режима «верхи» нуждались в постоянной поддержке своих идей со стороны народа. Эту поддержку сталинское руководство пыталось обеспечить, иницируя и мобилизуя политическую и социальную активность советского народа. Те, кто не демонстрировал общественной активности (хотя и были лояльны к советскому режиму), не вызывали доверия у власти и рассматривались как потенциальные враги народа, способные в определенных условиях проявить себя как «антисоветский элемент». По логике сталинского режима к таким людям следовало применять превентивные меры репрессивного характера.

Жесткость политических установок обусловила масштабы, характер и методы проведения репрессий. Приказом НКВД СССР от 30.07.1937 г. всего подлежало репрессированию 268 950 чел., которые в зависимости от их социальной опасности (критерии которой были достаточно размыты) подразделялись на две категории. К первой были отнесены наиболее враждебные «антисоветские элементы», подлежащие немедленному аресту и после рассмотрения их дел на тройках расстрелу. Разрядкой НКВД их численность определялось в 75 950 чел. (10 тыс. – содержащиеся в лагерях), в том числе в Коми АССР – 100 чел., в Северной области – 750 чел. В отношении «антисоветских элементов», отнесенных ко второй категории (193 тыс. чел.), предусматривалась изоляция в исправительно-трудовых лагерях на срок от 8 до 10 лет, а наиболее опасных – в тюрьмах. В Коми АССР вторая категория репрессированных должна была составить 300 чел., в Северной области –

2 тыс. чел. Все семьи репрессированных надлежало поставить на учет органов НКВД и установить за ними систематическое наблюдение. Операцию по репрессированию планировалось осуществить в четырехмесячный срок начиная с 5 августа 1937 г. Следствие по делам репрессированных приказано было вести «ускоренно и в упрощенном порядке», направляя завершённые дела на рассмотрение республиканских, краевых и областных троек. В частности, в Коми АССР в состав тройки вошли Ковалев (председатель), Семичев и Литин, в Северной области – Бак (председатель), Коржин и Рябов⁶.

Одной из составляющих политики «большого террора» стали репрессии по национальному признаку. В соответствии с приказом НКВД СССР от 11.08.1937 г. репрессированию подлежали: члены так называемой польской военной организации в СССР; находившиеся на территории СССР военнопленные польской армии; перебежчики и политэмигранты из Польши; члены польских антисоветских политических партий и «наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов». Они также делились на две группы: подлежащие расстрелу (первая категория) и направляемые в лагеря и тюрьмы на срок от 5 до 10 лет (вторая категория). Запрещалось освобождение из лагерей и тюрем заключенных, осужденных «по признакам польского шпионажа»⁷.

Всего в период массовых репрессий было проведено более десятка операций этнического характера – против поляков, немцев, румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, болгар, македонцев и так называемых харбинцев (бывших сотрудников Китайско-Восточной железной дороги, вернувшихся в СССР после ее продажи в 1935 г.). Как совершенно правильно отмечает О.В. Хлевнюк, все эти категории (как и категория «бывших» – *Н.У.*) рассматривались сталинским руководством как потенциальный ресурс для шпионажа и коллаборационизма⁸.

Реализуя установку покончить с «антисоветским элементом» раз и навсегда, НКВД СССР приказом от 15.08.1937 г. поставил задачу репрессирования жен и детей «изменников Родины». Аресту подлежали женщины, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденными в момент их ареста, а также жены, находившиеся к моменту ареста в разводе с осужденными, но причастные к его контрреволюционной деятельности или знавшие о ней, но не со-

общившие об этом в соответствующие органы, а также укрывавшие осужденного. Для них устанавливалась мера наказания в виде заключения в исправительно-трудовые лагеря сроком на 5–8 лет. Социально опасные дети осужденных направлялись в исправительно-трудовые лагеря, колонии и детские дома особого режима Наркомпроса⁹.

Массовые репрессии 1937–1938 гг. привели к резкому увеличению числа осужденных. Если в 1936 г. органами НКВД было осуждено 274 670 чел., то в 1937 г. – 790 665, 1938 г. – 554 258, 1939 г. – 63 889¹⁰.

В репрессиях 1937–1938 гг. явно доминировала политическая составляющая. Об этом свидетельствует и государственная установка (покончить раз и навсегда с антисоветскими элементами), и количество осужденных к высшей мере наказания. Так, если в 1936 г. число приговоренных к высшей мере наказания составило 1118 чел. (0,4% от общего количества осужденных), то в 1937 г. – 353 074 (44,7%), 1938 г. – 328 618 (59,3%), 1939 г. – 2552 (4%)¹¹.

Вместе с тем в определенной степени «большой террор» был обусловлен и экономическим фактором. К этому времени уже сложилась система принудительного труда, использовавшая в качестве рабочей силы различные категории спецконтингента (заключенные, спецпереселенцы и др.). Сотни тысяч лагерных заключенных были заняты на сооружении промышленных объектов, разработке природных месторождений, лесозаготовках, дорожном строительстве, в сельском хозяйстве, рыбном промысле и т.п. Став неотъемлемой составной частью советского народнохозяйственного комплекса, система принудительного труда играла важную роль в развитии производительных сил страны, особенно в малодоступных, но богатых природными ресурсами регионах. Специфика лагерной экономики, выразившаяся во временном характере использовавшейся рабочей силы, требовала постоянного восполнения выбывавшей (освобождение и прочее) части контингента. Сама гуглаговская система не осуществляла воспроизводство необходимой рабочей силы – она поступала в систему извне, и ее количество обуславливалось размахом проводимой карательно-репрессивной политики. Ужесточение последней (например, «большой террор» 1937–1938 гг.) не только наращивало людские ресурсы, но и стимулировало расширение и диверсификацию производственной деятельности ГУЛАГа. Когда же карательно-репрессивная поли-

тика государства осуществлялась по нисходящей линии, уменьшение притока нового контингента компенсировалось использованием внутренних резервов (например, отмена в 1939 г. системы условно-досрочного освобождения, интенсификация труда заключенных и т.п.).

Следует также отметить, что интегрированная в народное хозяйство страны система принудительного труда приобрела к концу 1930-х гг. такое значение, что стала сама оказывать существенное влияние на содержание и направленность карательно-репрессивной политики государства. Это воздействие имело опосредованный характер и овеществлялось через производственную деятельность ГУЛАГа. С расширением ГУЛАГа возрастала зависимость экономики страны от его хозяйственной деятельности, а вместе с этим расширялись возможности карательных органов влиять на «верхи», определявшие карательно-репрессивную политику государства.

Осуществление политики «большого террора» привело к значительному росту числа лагерных заключенных. Из общего числа осужденных в 1937–1938 гг. (1 344 923 чел.) 634 820 чел., или 47,2%, были направлены в лагеря и в тюрьмы. За два года репрессий в систему лагерей из других мест заключения (тюрьмы, колонии) поступило 1 439 756 осужденных. Если в 1937 г. численность лагерного контингента в СССР составляла 820 881 чел., то в 1939 г. – уже 1 317 195 чел. (данные на 1 января каждого года)¹².

Значительный рост численности осужденных в годы «большого террора», с одной стороны, и возросшая потребность в дешевой рабочей силе для реализации масштабных планов индустриализации – с другой, обусловили расширение лагерной системы и диверсификацию ее хозяйственной деятельности. Данный процесс проходил в различных направлениях и осуществлялся разными способами. Одним из способов решения проблемы размещения, изоляции и трудового использования резко возросшего потока лагерных заключенных стала организация на базе подразделений уже действовавших исправительно-трудовых лагерей новых самостоятельных ИТЛ.

Подобным образом произошло расширение сети исправительно-трудовых лагерей в Коми АССР, где в результате поэтапной реорганизации на базе действовавшего Ухто-Печорского ИТЛ были созданы четыре самостоятельные ИТЛ, подчиненные непосредственно ГУЛАГу. Они были организова-

ны по производственно-территориальному принципу: 1) Воркуто-Печоский ИТЛ (центр – г. Воркута), предназначенный для угледобычи; 2) Ухто-Ижемский ИТЛ (центр – пос. Чибью) – разведка и добыча нефти, газа, асфальтитов и переработка радиоактивной воды; 3) Северный железнодорожный ИТЛ (центр – пос. Княжпогост) – строительство железной дороги Котлас–Воркута; 4) Усть-Вымский лесозаготовительный ИТЛ (центр – пос. Усть-Вымь). В результате данной реорганизации получил самостоятельный статус и перешел в непосредственное подчинение ГУЛАГа Котласский пересыльно-перевалочный пункт¹³.

Одним из способов образования новых исправительно-трудовых лагерей в регионе стала передача в ведение ГУЛАГа гражданских объектов промышленного строительства, использовавших в качестве основной рабочей силы вольнонаемных работников. Так, для форсирования работ на строящемся с июля 1936 г. Архангельском судостроительном заводе (завод № 402) в марте 1938 г. его сооружение было передано в ведение НКВД СССР. С этой целью в апреле 1938 г. был образован Ягринский исправительно-трудовой лагерь (Ягринлаг). Заключенные лагеря (на 01.01.1939 г. их насчитывалось 27 680 чел.) занимались не только сооружением завода, но и созданием социальной инфраструктуры г. Молотовска (ныне г. Северодвинск), строительством шоссейной дороги Архангельск – Никольское устье, железнодорожной ветки Исакогорка – Никольское устье. В 1939 г. Ягринлагом было освоено более 311 млн руб. капиталовложений¹⁴.

С передачей строящегося с осени 1935 г. Архангельского сульфитно-целлюлозного комбината в ведение НКВД СССР в 1938 г. был образован Архангельский ИТЛ (Архбумлаг). Из сметной стоимости сооружения первой очереди комбината, составлявшей около 185 млн руб., к 1940 г. было освоено 116 млн руб. Кроме того, заключенные вели строительство поселка (ныне г. Новодвинск) и другие работы¹⁵.

В Мурманской области в 1939–1940 гг. были образованы семь исправительно-трудовых лагерей различного производственного профиля: Кольский ИТЛ, которому было поручено сооружение объектов особого назначения; Енское строительство и ИТЛ, осуществлявший строительство горнорудных предприятий на Енском месторождении железных руд; Замандровский ИТЛ, занимавшийся соору-

жением железнорудного рудника; Канда-лакшинский ИТЛ, ведший строительство Кандалакшинского алюминиевого завода; Мончегорский ИТЛ, соорудивший Мончегорский никелевый завод, а также два лагеря, которые занимались строительством железных дорог¹⁶.

В эти же годы появились четыре исправительно-трудовых лагеря в Карело-Финской ССР: Сегежский ИТЛ, предназначенный для строительства Сегежского лесобумхимкомбината, Сегежского гидролизного завода, Кондопожского сульфитно-спиртового завода; Кексгольмский ИТЛ, осуществлявший восстановление целлюлозно-бумажных предприятий, отошедших к СССР от Финляндии; Маткожненское Строительство и ИТЛ, возводивший алюминиевый завод; Пудожгорский ИТЛ, выполнявший работы по строительству металлургического комбината, а также пять лагерей, дислоцированных в Вологодской области: Череповецкий ИТЛ, осуществлявший строительство металлургического комбината; Вытегорский, Опокский, Шекснинский исправительно-трудовые лагеря и Знаменитлаг, которые производили работы на строительстве Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей¹⁷.

Наряду с этим на Европейском Севере России в 1937–1938 гг. были организованы пять лесозаготовительных лагерей: Каргопольский, Кулойский и Онежский в Архангельской области, Усть-Вымский и Локчимский ИТЛ в Коми АССР. Новообразованные лесозаготовительные лагеря создавались не на пустом месте: в их распоряжение передавались не только лесные массивы, но и механизированные лесопункты с принадлежавшим им оборудованием, имуществом, административно-техническим персоналом и финансовыми средствами¹⁸.

Комплексное промышленное освоение в 1930-е гг. Европейского Севера России требовало развития транспортной инфраструктуры. До сдачи в эксплуатацию Северо-Печорской магистрали (Коноша–Воркута) железнодорожное сообщение осуществлялось только до Котласа (линия Киров–Котлас). Требовалось строительство железной дороги, способной обеспечить устойчивое транспортное сообщение между центром страны и осваиваемыми территориями. Строившаяся с 1929 г. железная дорога Пинюг–Усть-Сысольск (с 1930 г. – г. Сыктывкар) не была завершена: из-за нехватки материальных и финансовых средств ее сооружение в 1931 г. было приостановлено.

Обеспечить круглогодичный вывоз ухтинской нефти и печорского угля должна была Северо-Печорская железнодорожная магистраль. После утверждения Политбюро ЦК ВКП(б) в октябре 1937 г. направления строительства дороги (Котлас–Княжпогост–Чибью–Усть-Кожва–Воркута)¹⁹ ее сооружение было поручено Ухто-Печорскому ИТЛ. Однако возможности лагеря не позволяли обеспечить ускоренные темпы работ. Поэтому строительство магистрали было возложено на специально образованный для этой цели в 1938 г. Северный железнодорожный ИТЛ (Севжелдорлаг). В 1939 г. заключенными лагеря, численность которых на 01.01.1939 г. составляла 29 405 чел., был выполнен объем работ на сумму около 75 млн руб.²⁰ Наряду с Севжелдорлагом с 1940 г. в сооружении Северо-Печорской магистрали участвовали Северо-Печорский (Севпечлаг) и Северо-Двинский (Севдвинлаг) ИТЛ. В результате строительство железной дороги Коноша–Воркута было разбито на три участка: Коноша–Котлас (Севдвинлаг), Котлас–Усть-Кожва (Севжелдорлаг), Усть-Кожва–Воркута (Севпечлаг)²¹. Суммарная численность заключенных, занятых на сооружении дороги, составляла по состоянию на 01.01.1941 г. 135 217 чел., в том числе в Северном железнодорожном ИТЛ – 84 893, в Северо-Печорском ИТЛ – 34 959, в Северо-Двинском ИТЛ – 15 365 чел.²²

Одновременно с сооружением Северо-Печорской магистрали осуществлялось строительство железной дороги Сорока (г. Беломорск) – станция Обозерская (Северная железная дорога). Ее сооружение, а также возведение вторых путей железной дороги Сорока–Мурманск было поручено образованному в мае 1938 г. Сорокскому исправительно-трудовому лагерю, управление которого размещалось в г. Беломорске Карело-Финской ССР. Объем работ, выполненных в 1939 г. на строительстве вторых путей Кировской железной дороги, составил 33 830 тыс. руб., на сооружении линии Сорока–Обозерская – 15 880 тыс. руб.²³

Таким образом, по состоянию на январь 1941 г. на территории Европейского Севера России функционировали 30 исправительно-трудовых лагерей, в которых суммарно содержалось около 553 тыс. заключенных, что составляло 36,9% от списочного состава лагерных заключенных ГУЛАГа (1 500 524 чел.). При этом в Карело-Финской ССР дислоцировались 6 лагерей с суммарной численностью заключенных 97 655 чел., в Коми АССР – 5 (176 202 чел.), в Архангельской об-

ласти – 7 (118 159 чел.), в Вологодской области – 5 (16 219 чел.²⁴), в Мурманской области – 7 (144 467 чел.)²⁵.

Значительный удельный вес в общей массе лагерного контингента составляли заключенные, осужденные за контрреволюционные преступления. По состоянию на 01.01.1941 г. этот показатель достиг: Каргопольском ИТЛ – 60,7%, Кулойском ИТЛ – 56,4%, Онежском ИТЛ – 49%, Северо-Двинском ИТЛ – 8,8%, Ягринском ИТЛ – 5,0%, Воркутинском ИТЛ – 51,5%, Северном железнодорожном ИТЛ – 45,2%, Северо-Печорском ИТЛ – 20,8%, Усть-Вымском ИТЛ – 45,4%, Ухтоижемском ИТЛ – 43,8%²⁶.

Стремительный рост численности заключенных и расширение экономики принудительного труда превратили ГУЛАГ в крупнейшее хозяйственное ведомство страны. По данным Л.П. Бери, ГУЛАГом в 1939 г. было выпущено продукции и выполнено подрядных работ на сумму 3,5 млрд руб., капитальных работ – на 1,5 млрд руб. Капиталовложения в строительные объекты, реализуемые ГУЛАГом, составили 11% от всего объема капиталовложений в СССР²⁷.

Расширение масштабов лагерной системы обусловило изменение конфигурации исправительно-трудовых лагерей и реорганизацию системы управления гулаговскими образованиями. Исправительно-трудовые лагеря из многопрофильных, громоздких комплексов трансформировались в компактные, однопрофильные лагерные образования. Наряду с этим произошла реорганизация структуры управления лагерной системой. Предпринятые в этом направлении меры носили противоречивый характер. С одной стороны, произошла централизация управления лагерной системой, когда в конце 1937 г. все лагеря были переподчинены непосредственно ГУЛАГу, а с другой – имела место децентрализация, выразившаяся в создании специализированных производственных управлений, функционировавших сначала в составе ГУЛАГа, а затем переподчиненных непосредственно НКВД СССР.

В феврале 1941 г. из НКВД СССР был выделен как самостоятельное ведомство Наркомат государственной безопасности. Новая структура НКВД СССР, утвержденная в феврале 1941 г., включала помимо ГУЛАГа девять специализированных производственных главков. В результате из мест заключения в ведении ГУЛАГа остались исправительно-трудовые лагеря, специализировавшиеся на сельском хозяйстве, рыбо-

ловстве и производстве товаров широкого потребления, а также все территориальные отделы исправительно-трудовых колоний и управления исправительно-трудовых лагерей и колоний. За ГУЛАГом также сохранялись функции разработки нормативных документов по режиму содержания и охране заключенных, централизованного учета и распределения осужденных, общего контроля за системой мест лишения свободы. Производственные же главки несли полную ответственность за выполнение производственных планов и фактически осуществляли оперативное управление подведомственными лагерями²⁸.

Образование специализированных производственных главков и их подчинение НКВД СССР вызвало неоднозначные последствия. Вполне очевидно, что в условиях расширения масштабов и диверсификации производственной деятельности ГУЛАГа данная специализация позволяла повысить инженерно-технический уровень управления лагерной системой. Однако двойное подчинение, в котором оказались лагерно-промышленные комплексы, имело не только позитивное, но и негативное значение. Несмотря на формальное распределение функций между ГУЛАГом и производственными главками, в реальной жизни решение многих вопросов жизнедеятельности лагерей невозможно было разделить, что часто приводило к дублированию и управленческой неразберихе. Кроме того, лагерная составляющая, за которую ответственность несло Главное управление лагерей, и производственная деятельность (прерогатива производственных главков) нередко вступали в противоречие друг с другом. Как правило, приоритет в ущерб режимным требованиям отдавался производственной составляющей. От ИТЛ прежде всего требовалось выполнение производственных заданий, поэтому администрация лагерей, ответственная за обеспечение и лагерной, и производственной сторон деятельности, стремилась любым путем, в том числе нарушая режим содержания заключенных, добиться выполнения производственных заданий.

В последующие годы в систему управления лагерями вносились определенные коррективы, но основной принцип ее организации, сочетающий в ИТЛ и производственную, и лагерную составляющую и предполагающий их двойное подчинение и ГУЛАГу, и соответствующему производственному главку, до 1953 г. оставался неизменным.

Эволюция ГУЛАГовской системы в довоенный период привела к образованию в отдаленных регионах страны, в том числе и на Европейском Севере России, уникальных комплексов принудительного труда, основу которых составляли исправительно-трудовые лагеря, взаимодействовавшие с другими структурами, использовавшими принудительный труд. Своеобразие региональных комплексов принудительного труда заключа-

лось в их модульной конфигурации, где основную нагрузку несли исправительно-трудовые лагеря, а другие ГУЛАГовские образования независимо от их подчиненности «пристыковывались» к ИТЛ, выполняя вспомогательные и дополнительные функции. Модульный принцип в деятельности региональных комплексов принудительного труда оставался неизменным на протяжении всех последующих лет существования ГУЛАГовской системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зеленин И.Е. Кульминация «большого террора» в деревне. Зигзаги аграрной политики (1937–1938 гг.) // Отечественная история. 2004. № 1. С. 175; Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 437.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 96–100.

³ См.: Там же. С. 73.

⁴ См.: Там же. С. 97.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же. С. 98–102.

⁷ См.: Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии. С. 438.

⁹ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 106–108.

¹⁰ См.: Там же. С. 433; Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 59; Попов В.П. Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. (Источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 433; Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы. С. 56–57; Попов В.П. Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. С. 28.

¹³ См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 22. Л. 67.

¹⁴ См.: Там же. Д. 20. Л. 142; Д. 59. Л. 178–186; Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1109. Л. 1–2, 8; Оп. 1. Д. 2977. Л. 4, 6, 20.

¹⁵ См.: Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 20. Л. 198, 227, 259; Д. 59. Л. 159; Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3130. Л. 1; Оп. 1а. Д. 3. Л. 1.

¹⁶ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 221, 223, 283, 296, 327, 390, 410.

¹⁷ См.: Там же. С. 198, 259, 290, 321, 348, 365, 390, 512.

¹⁸ См.: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. 1930-е годы: Сб. документов. М., 1998. С. 79–80.

¹⁹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 993. Л. 6.

²⁰ См.: ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 19. Л. 35.

²¹ См.: Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 56. Л. 197–198; Д. 59. Л. 85–86.

²² См.: Там же. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 372. Л. 11.

²³ См.: Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 20. Л. 4–5, 189.

²⁴ Отсутствуют данные о численности заключенных в Знаменитлаге и в Шекснинском ИТЛ.

²⁵ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 372. Л. 8–12; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. С. 162, 221, 223, 283, 290, 296, 321, 327, 365, 390, 397, 410.

²⁶ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1160. Л. 2–6, 12–16.

²⁷ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сб. документов: В 7 т. / М., 2004. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. С. 37–38.

²⁸ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. М., 1998. С. 46.

¹ Sm.: Zelenin I.E. Kul'minacija «bol'shogo terrora» v derevne. Zigzagi agrarnoj politiki (1937–1938 gg.) // Otechestvennaja istorija. 2004. № 1. S. 175; Hlevnjuk O.V. «Bol'shoj terror» 1937–1938 gg. kak problema nauchnoj istoriografii // Istoricheskaja nauka i obrazovanie na rubezhe vekov. M., 2004. S. 437.

² GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960. M., 2000. S. 96–100.

³ Sm.: Tam zhe. S. 73.

⁴ Sm.: Tam zhe. S. 97.

⁵ Sm.: Tam zhe.

⁶ Sm.: Tam zhe. S. 98–102.

⁷ Sm.: Hlevnjuk O.V. «Bol'shoj terror» 1937–1938 gg. kak problema nauchnoj istoriografii. S. 438.

⁹ Sm.: GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960. S. 106–108.

¹⁰ Sm.: Tam zhe. S. 433; Zemskov V.N. Zakljuchennye v 1930-e gody: social'no-demograficheskie problemy // Otechestvennaja istorija. 1997. № 4. S. 59; Popov V.P. Gosudarstvennyj terror v sovetskoj Rossii 1923–1953 gg. (Istochniki i ih interpretacija) // Otechestvennye arhivy. 1992. № 2. S. 28.

¹¹ Sm.: Tam zhe.

¹² Sm.: Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF). F. 9414. Op. 1. D. 1155. L. 1; GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960. S. 433; Zemskov V.N. Zakljuchennye v 1930-e gody: social'no-demograficheskie problemy. S. 56–57; Popov V.P. Gosudarstvennyj terror v sovetskoj Rossii 1923–1953 gg. S. 28.

¹³ Sm.: GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 22. L. 67.

¹⁴ Sm.: Tam zhe. D. 20. L. 142; D. 59. L. 178–186; F. 9414. Op. 1a. D. 1109. L. 1–2, 8; Op. 1. D. 2977. L. 4, 6, 20.

¹⁵ Sm.: Tam zhe. F. 9401. Op. 1a. D. 20. L. 198, 227, 259; D. 59. L. 159; F. 9414. Op. 1. D. 3130. L. 1; Op. 1a. D. 3. L. 1.

¹⁶ Sm.: Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR. 1923–1960: Spravochnik. M., 1998. S. 221, 223, 283, 296, 327, 390, 410.

¹⁷ Sm.: Tam zhe. S. 198, 259, 290, 321, 348, 365, 390, 512.

¹⁸ Sm.: Jekonomika GULAGA i ee rol' v razvitii strany. 1930-e gody: Sb. dokumentov. M., 1998. S. 79–80.

¹⁹ Sm.: Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. F. 17. Op. 3. D. 993. L. 6.

²⁰ Sm.: GARF. F. 9407. Op. 1. D. 19. L. 35.

²¹ Sm.: Tam zhe. F. 9401. Op. 1a. D. 56. L. 197–198; D. 59. L. 85–86.

²² Sm.: Tam zhe. F. 9414. Op. 1a. D. 372. L. 11.

²³ Sm.: Tam zhe. F. 9401. Op. 1a. D. 20. L. 4–5, 189.

²⁴ Otsutstvujut dannye o chislennosti zakljuchennyh v Znamenitlage i v Sheksninskom ITL.

²⁵ Podschitano po: GARF. F. 9414. Op. 1a. D. 372. L. 8–12; Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR. 1923–1960. S. 162, 221, 223, 283, 290, 296, 321, 327, 365, 390, 397, 410.

²⁶ Podschitano po: GARF. F. 9414. Op. 1. D. 1160. L. 2–6, 12–16.

²⁷ Sm.: Istorija stalinskogo GULAGA. Konec 1920-h – pervaja polovina 1950-h godov: Sb. dokumentov: V 7 t. / M., 2004. T. 2. Karatel'naja sistema: struktura i kadry. S. 37–38.

²⁸ Sm.: Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR. 1923–1960. M., 1998. S. 46.